56. [Чудесное подземелье].

(Разсказалъ обыватель Верхняго Кыштымскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда, Иванъ Купреяновъ, 17-ти лѣтъ. Купреяновъ выслушалъ свои сказки, работая на рудникахъ Кыштымскаго завода.—Разсказывая мнѣ сказки, Купреяновъ сначала (видимо, стѣсняясь) скорѣе окалъ, чѣмъ акалъ, но потомъ сталъ довольно послѣдовательно акать по-московски (*о*—среднее между *а* и *о*).

1. Ба́роня жила́ расъ. Ей пона́добился работъникъ. Нанела́ она работъника и велѣла сходить ему на рынокъ—выбрать са́мыхъ наилучшихъ лошадей, откупить и привеза́ть тамъ ихъ. Онъ купилъ, привеза́лъ и пришолъ къ ей опять обра́тно. Она ево спросила: „Ну, вы́бралъ?“—Сказалъ: „Выбралъ“.—„Сколько сто́итъ?“—„Три тысчы рублей“.—Она ему подаётъ три тысчы рублей: „Иди выкупа́й!“—Онъ сходилъ, вы́купилъ, привёлъ, поставилъ ихъ въ стойло.

„На́ вотъ тебѣ ключъ, вотъ отъ етова-то амбару! и выбера́й тамъ, какая тебѣ поглянецца збру́я. Онъ сходилъ, вы́бралъ; а дуга́ ему не одна не погляну́лась. Онъ приходитъ и заевъля́етъ: „Такъ и такъ, барыня, не одна мнѣ дуга не погляну́лась!“—Она подаётъ ему 10 рублей: „Иди, купи! на рынокъ“.—Купилъ онъ.

Перенача́ли ночь. Утромъ стаю́тъ, чаю напили́сь. Она ему говоритъ: „Иди, кучеръ, запрегай ко́ней!“—Кучеръ запрёкъ ко́ней, по́далъ къ пара́тьнему. Потомъ она вышла; сѣли, поѣхали. Отьѣхали саженъ съ со́тню, она говоритъ: „Кучеръ, стой! На́ вотъ тебѣ ключъ отъ етова-то амбару. Тамъ есь *теся́къ*, ты ево ташшы́!“—Онъ пришолъ, отворилъ, взялъ и несётъ. Она видитъ, што онъ несётъ.—„Клади,—говоритъ:—ево назать, привяжи́ тутъ!“

2. Поѣхали. Ѣхали тамъ много ли мало ли,—разъ ночь засьти́гла. Она сказала: „придётъ,—говоритъ:—узинька дорожка,—ты остановись и разбуди меня!“—Ѣхалъ онъ много ли мало ли, пришла узинькая дорожка; онъ остано-

вился и разбудилъ её. — „Ну, што? доѣхали, кучеръ?“ — „Доѣхали“.—„Ну, иди по етой дорожкѣ, по узинькой. Когда доѣдешь тамъ до *ры́ку*, и останови́сь!“

Потомъ онъ доѣхалъ, остановился, разбудилъ иё.—„Што, кучеръ, доѣхали?“—„Доѣхали“.—„Ну, доѣхали, теперь станемъ здѣсь начевать. Выпрегай ко́ней!“ — Кучеръ вы́прекъ ко́ней, привезалъ ихъ. Поужинали. Потомъ она изъ етова *ры́ку* выка́чиваетъ зы́бку. — „Вотъ, кучеръ, клади съ собой теся́къ вотъ въ ету зы́бку; какъ сядёшь въ ету зы́бку, влѣзёшь, — на́ вотъ тебѣ ключъ. Ко́нда я тебя спушшу́, тутъ прямо есь желѣзная дверь; и ты отвори и нагребай зо́лота. Ко́нда тамъ хто на тебя полѣзетъ, — окаянные што́ ли, — и ты этимъ тесяко́мъ ограждайся!“

Онъ такъ и сдѣлалъ. Ко́нда она спусьтила, отворилъ дъверь, сталъ нагребать зо́лота; на ево наскочи́ли, онъ оградился етимъ тесяко́мъ,—и никово не стало. Нагрёбъ зо́лота, за́перъ также дверь, сѣлъ въ зыбку, качнулъ за верёвку, — она ево вы́тасшыла.—„Ну, што, кучеръ? живъ?“—„Живъ,— говоритъ:—слава Бо́ну!“—„Ну, теперь переначу́емъ!“

Переначевали ночь. День прогуля́ли, ягоды пробра́ли да што. На вторую́ ночь опять посыла́тъ.—„Теперь, —говоритъ:—на́ тебѣ вотъ етотъ ключъ. Когда я тебя спушшу́,— напра́во есь желѣзная дъверь; и ты отво́ришь ету дъверь, тамъ свѣчка горитъ; ты подсвѣшник'отъ не тронь, а свѣчкута(о) возьми; нагреба́й драгоцѣннова ка́мня!“ — „Ладно“. — „Ко́нда на тебя полѣзутъ, ты опять ограждайся тесяко́мъ!“

Онъ отворилъ дверь, нагрёбъ драгоцѣннава камня и потомъ думатъ: „Што, — говоритъ: — она? подсвѣшникъ золотой, дороже свѣчки!.. Да ужъ ладно: чево велѣла, то и возьму“.—Склалъ фьсё въ зыбку, самъ сѣлъ, свѣчку поло́жилъ въ карманъ; качнулъ за верёвку, она ево потасшы́ла.

Дотасшыла до половины и кричитъ: „Бросай свѣчку!“— Онъ говоритъ: „Што́ такъ? Тасшы́ на ве́рьхъ, то́нда отдамъ!“— Она не дотасшыла ево аршина полтара́ до ве́рьху и опять кричитъ: „бра(о)сай!“—„Нѣтъ, не бро́шу! ко́нда вы́тасьшишь, то́нда отдамъ!“—Онъ дѣло сьмѣтилъ, упёръся въ стѣну руками и ногами; зыбка на слабѣ. Она опять повторила: „не бросишь?“—„Нѣтъ, не брошу!“ — Она взяла́ да пусьти́ла зыбку; сама легла́.

Онъ тихонько вы́лѣзъ. Вылѣзъ, отсѣкъ ей го́лову. Вытасшылъ ету зы́бку, взялъ драгоцѣнной камень и её туда бросилъ. Переночевалъ, утромъ сталъ, запрёкъ ко́ней и уѣхалъ.

57. [Колдунъ и его ученикъ].

1. Жилъ былъ старичокъ одинъ со старушкой. У ихъ былъ единьственный сынъ. И они ево не знаютъ—въ каку́ работу отдать: есьли въ ку́зьницу, ушибёцца, въ *портня́ги*—нако́лецца. Думали, думали; запрёкъ старикъ лошадь и поѣхалъ въ другой городъ, съ сыномъ".

Ѣдётъ по́ городу,—*стрѣва́етца* имъ старичокъ.—„Куда, дѣдушко, поѣхали?"—„Да во́тъ куда: отдать бы сынка въ какую-небудь лёгкую работу".—„Дакъ вотъ што,—говоритъ:—дѣдушко! отдай мнѣ ево колдова́ть".—„Вотъ, вотъ! не надо лучше: это—не ушибётца и не уко́лецца!" „Дакъ вотъ, черезъ три го́да пріѣзжай за ёмъ".—„Хорошо".

Старикъ пріѣхалъ домой, сказалъ своёй старухѣ.

2. Прошло три го́да. Старикъ поѣхалъ за сы́номъ. Проѣхалъ половину дороги; ему сѣлъ воро́бышокъ на *гря́дку*. Онъ ево *стигну́лъ*,—онъ слетѣлъ и опять сѣлъ. Онъ и(е)во́ опять стигну́лъ. Въ тре́тей разъ сѣлъ и говоритъ: „Тятя, тятя! за што́ ты меня *стига́ешь?* вѣдь я—твой сынокъ!"—Старикъ оробѣлъ.

Воро́бышокъ ему́ и говоритъ: „Кohда пріѣдёшь къ моёму хозяину, онъ тебѣ меня такъ не отдастъ, а такъ отдастъ: узна́ешь ли ты, которой твой сынокъ?...." *).—А самъ слетѣлъ и полетѣлъ.

3. Пріѣзжа́етъ старикъ къ етому—къ ему хозяину, заѣзьжа́етъ на дворъ. Выходитъ ево хозяинъ:—„Здраствуй, дѣдушко! За сынко́мъ пріѣхалъ?"—„Да, за сынкомъ!"—„Такъ во́тъ што, дѣдушко! Я тебѣ ево такъ не отдамъ".—„А какъ?—„А такъ,—говоритъ:—узнашь ли, которой твой сынокъ?"—„Дакъ что же?"

*) Тутъ пропускъ, содержаніе котораго ясно: воробей научаетъ старика, какъ ему узнать своего сына.